

Взор

Год ПЕПЛА

Кулак Империи 2

Максим Взор

Год Пепла. Кулак Империи 2

«Автор»

2026

Взор М.

Год Пепла. Кулак Империи 2 / М. Взор — «Автор», 2026

Когда над Кампанией поднимается чёрная туча Везувия, Данил Варрон понимает: боги не спасают города. Их спасают хлеб, вода, дороги, списки имён и люди, которые умеют работать, а не только молиться. Пепел засыпает Помпеи, Геркулан и Стабии, но настоящая опасность приходит не с горой. Старые римские имена начинают действовать в темноте: кто-то прячет зерно, кто-то блокирует дороги, кто-то распускает слухи, что бедствие — кара за «нового правителя из песка». Данилу приходится выбирать между мстью и законом, между ареной и государством, между славой Варрона и ответственностью человека, который больше не хочет делать людей вещами. Но Рим ещё не оправился от пепла, как с севера приходит другая угроза. Племена за Рейном вдруг учатся драться не как варвары, а как тренированные бойцы: без крика, строем, в ритме, который Данил знает слишком хорошо. Среди них появляется человек, говорящий на языке чужого будущего. Человек, который когда-то стоял напротив него на ринге в Москве.

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 41.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Взор

Год Пепла. Кулак Империи 2

Глава 33.

Рим не признавал человека, пока кто-нибудь не называл его имя достаточно громко.

На Авентине Данила знали как Варрона из Капуи. Для хозяина постоянного двора он был чужеземцем, исправно платившим за три тесные комнаты. Для торговцев — одним из многочисленных бывших гладиаторов, которых столица ежедневно выплёвывала на улицы. Для городской стражи — подозрительным свободным человеком с рабским клеймом на затылке.

На следующий день после посещения амфитеатра Данил попытался записаться на игры.

Контора распорядителя находилась возле Большого цирка. Перед её дверями толпились ланисты, поставщики зверей, актёры, возницы и люди, предлагавшие услуги бойцов. Одни держали под мышками таблички с записями побед, другие привели гладиаторов и демонстрировали их, словно скот на рынке.

Данил пришёл с Афером и Никанором.

За столом сидел жирный писец с красными от вина глазами. Перед ним лежали восковые дощечки, перевязанные шнурками договоры и чашка с орехами. Он разгрызал скорлупу зубами и сплёвывал обломки на пол.

— Имя? — спросил он, не поднимая головы.

— Варрон.

Стило замерло над воском.

Писец посмотрел сначала на Данила, затем на Афера.

— Какой Варрон?

— Тот, что дрался в Капуе.

— В Капуе много кто дерётся. Ещё больше там умирает.

Никанор положил на стол рекомендательную табличку. Её дал торговец, чей караван они защитили по дороге в столицу. Писец сломал печать, прочитал несколько строк и хмыкнул.

— Одиннадцать побед?

— Десять признанных и одна показательная, — уточнил Никанор.

— Свободный?

— Да.

— Собственная школа?

— Пока нет.

Писец отложил рекомендацию.

— Тогда и разговаривать не о чем.

— Почему? — спросил Данил.

— Потому что в Риме ты никто. Здесь у каждого второго оборванца есть шрам и история о победе над тремя германцами. Игры оплачивают люди, которым нужны известные имена. Если тебя убьют на первой минуте, зрители даже не заметят.

— Позвольте пройти испытание.

— Испытания проводят для гладиаторов, которых представляют столичные школы.

— А если я выступаю сам?

Писец рассмеялся:

— Тогда сам себе устрой игры.

Он взял следующий договор, показывая, что разговор окончен.

Данил не двигался.

— Сколько стоит имя? — спросил он.

Писец снова поднял голову:

— Что?

— Вы сказали, что я никто. Значит, мне нужно имя. Сколько оно стоит?

Лицо писца изменилось. В нём появилось выражение человека, услышавшего знакомый и понятный вопрос.

— Поединок перед основными играми обойдётся в две тысячи сестерциев. Бой с известным противником — в пять. Если хочешь хорошие места для нанятых крикунов, прибавь ещё тысячу.

У Данила было меньше четырёхсот.

Часть денег они получили за охрану каравана. Остальное заработали, продав лошадей и оружие убитых наёмников. Большая доля ушла на жильё, пищу и лечение Сеговара, которому в дороге распорол бедро.

— Что получает победитель? — спросил Данил.

— Если бой понравится публике — триста сестерциев.

— Я должен заплатить пять тысяч, чтобы получить триста?

— Ты платишь не за победу. Ты платишь за то, чтобы тебя увидели.

Никанор потянул Данила за локоть:

— Мы слышали достаточно.

Они вышли на улицу. Рёв цирковой толпы прокатывался над крышами. Внутри шли гонки. У входов торговали лепёшками, дешёвым вином и деревянными фигурками знаменитых возниц.

— Всё устроено правильно, — сказал Никанор.

— Что здесь правильного?

— Правильного для них. Места на играх принадлежат нескольким распорядителям. Распорядители работают с определёнными школами. Школы платят писцам. Писцы не допускают посторонних. Все получают деньги.

— Кроме бойцов.

— Бойцы получают меч.

Афер сплюнул в пыль:

— В Капуе было проще.

— В Капуе нами владел Красс, — напомнил Данил.

— Я и говорю: проще. Мы знали, кому хотим сломать шею.

Они направились к Авентину. На перекрёстке Никанор неожиданно остановился.

По другую сторону улицы стоял мужчина в коричневом плаще. На вид — обычный горожанин: круглое лицо, редкая борода, дешёвые сандалии. Однако он смотрел не на прилавки и не на проезжавшие повозки. Его интересовали только трое бывших гладиаторов.

Заметив внимание Никанора, человек повернулся и исчез в толпе.

— Он шёл за нами от конторы, — сказал Никанор.

— Ты уверен?

— Я замечаю людей, которые слишком долго ничего не покупают.

Афер положил руку на рукоять кинжала:

— Возьмём?

— Не здесь, — ответил Данил. — Пусть думает, что остался незамеченным.

Они продолжили путь, дважды сменив направление. Человек больше не показывался, но ощущение чужого взгляда не исчезло.

На Авентине их ждал новый удар.

Дверь комнаты была закрыта. Глиняная печать на верёвке оставалась целой. Однако Данил сразу увидел лежавший на полу осколок штукатурки.

Он поднял руку, останавливая спутников.

— Не входите.

— Печать не повреждена, — заметил Афер.

— Значит, вошли не через дверь.

Окно выходило на узкий переулок. Забраться к нему с земли было трудно, но с крыши соседнего дома — возможно. Данил медленно потянул дверь.

Комната выглядела нетронутой. Циновки лежали на местах, кувшин стоял возле стены, одежда висела на крючьях. И всё же кто-то здесь побывал.

Никанор опустился на колени возле одной из циновок. Под ней был устроен тайник. Они хранили там кошель с деньгами и несколько железных пластин, на которых Никанор выцарапывал копии важнейших страниц Чёрной книги.

Деньги остались.

Одна пластина исчезла.

— Искали книгу, — сказал Никанор.

— Почему не взяли монеты? — спросил Афер.

— Потому что пришли не воры.

Данил осмотрел стену возле окна. На штукатурке сохранился след обуви. Пыли почти не было: незваный гость тщательно протёр подоконник. Он знал, что делал.

Чёрную книгу Данил спрятал в заброшенной могиле за городской стеной. Даже его товарищи не знали точного места. В комнате находились только отдельные копии.

На украденной пластине были записаны имена двух судей и сборщика налогов из Капуи. Сами по себе эти сведения не могли погубить Скавра или Красса. Но они подтверждали, что книга существует.

— Уходим, — решил Данил.

— Куда? — спросил Афер.

— Туда, где есть другие выходы.

— В Риме нет места, откуда нельзя вытащить человека.

— Тогда найдём место, куда трудно войти незамеченным.

Никанор взглянул на потолок:

— Нам нужна собственная школа.

— На какие деньги?

— Не обязательно покупать готовый лудус. Можно снять двор, поставить ворота и назвать школой.

Афер хмыкнул:

— И чем платить хозяину?

— Боями.

— Нас не допускают к играм.

— Значит, будем драться там, куда допускают всех.

В нижней части Авентина, рядом с кожевными мастерскими, находились частные дворы. Там устраивали кулачные поединки, травлю собак и схватки бойцов без официального разрешения. Публика была беднее, правила — проще, а смерть участника не интересовала городские власти.

Данил знал, что подобные места существуют. Он надеялся туда не возвращаться.

Надежда продержалась меньше суток.

Двор «Трёх святильников» располагался за винной лавкой. Каменные стены были так близко, что зрители на верхних галереях могли дотянуться до бойцов руками. На песок бросали монеты, кости от мяса и огрызки фруктов.

Хозяина звали Гай Фалькон. Невысокий седой человек носил золотую серьгу и постоянно улыбался, не показывая зубов.

Он выслушал Данила и предложил бой в тот же вечер.

— Против кого?

Фалькон указал на человека, сидевшего возле стены.

Тот был огромен. Даже сидя, он казался выше большинства мужчин во дворе. Его руки доходили почти до колен. На груди темнело изображение кабаньей головы.

— Его зовут Урс, — сказал Фалькон. — Он из северных лесов. За последний месяц сломал четверым бойцам руки.

— Оружие?

— Только кулаки. Тебе это должно нравиться.

— Оплата?

— Половина того, что бросят на песок.

— Если победит Урс?

— Тогда твою половину получит он.

Афер отвёл Данила в сторону.

— Не соглашайся.

— Почему?

— Посмотри на него.

— Смотрю.

— Тогда посмотри лучше. Он тяжелее тебя на два пуда.

— И медленнее.

— Здесь нет канатов и судьи. Если он повалит тебя, то будет бить, пока Фалькон не решит, что зрители получили достаточно.

— Мне нужны деньги.

— Мёртвым деньги не нужны.

Никанор стоял рядом и молчал. Данил повернулся к нему:

— Что ты думаешь?

— Что Фалькон предложил бой слишком быстро. Нас ждали.

— Скавр?

— Или Красс. Или человек, который украл пластину. Возможно, все трое работают вместе.

Данил снова посмотрел на Урса.

Великан не разминался. Сидел, опустив голову, и медленно сжимал кулаки. Костяшки были обмотаны кожей.

Данил видел таких соперников. Не Урса, но людей, привыкших побеждать одним присутствием. Их сила начинала действовать до гонга. Человек смотрел на огромные плечи и заранее решал, что его удары ничего не изменят.

— Если они хотят проверить меня, — сказал Данил, — придётся показать им то, что я выберу сам.

Фалькон назначил бой после захода солнца.

К тому времени двор заполнился. Масляные светильники коптели на стенах. Зрители стояли в три ряда. На верхней галерее расположились люди в дорогих плащах, не желавшие показывать лица.

Данил разделся до пояса. Афер обмотал ему руки.

— Не бей в голову, пока не заставишь его опустить локти, — сказал наставник.

— Знаю.

— Его левая нога медленнее.

— Видел.

— И не стой перед ним.

— Афер.

— Что?

— Я всё помню.

Старик затянул последний ремень:

— Хорошо. Тогда вернись, чтобы я мог сказать, где ты ошибся.

Урс вышел в центр двора.

Фалькон поднял руку:

— Бой до потери сознания или отказа!

— А если один умрёт? — крикнули из толпы.

— Значит, отказался слишком поздно!

Зрители засмеялись.

Сигнала как такового не было. Фалькон просто отступил за линию, проведённую на песке.

Урс пошёл вперёд.

Он не стал размахивать руками. В отличие от лысого бойца на арене Капуи, великан умел драться. Держал локти близко к телу, прикрывал подбородок и двигался короткими шагами.

Данил поднял руки.

Урс ударил передней рукой.

Удар был быстрым. Данил отклонился, но кулак скользнул по скуле. Следом пришёл правый боковой. Данил поставил предплечье.

От столкновения его развернуло.

Толпа взревела.

Урс попытался прижать его к стене. Данил ушёл в сторону и пробил в корпус. Кулак словно врезался в деревянную доску.

Великан не отреагировал.

— Это всё? — спросил он.

Данил не ответил.

Следующая минута прошла в отступлении. Зрители свистели. Кто-то бросил в Данила кусок хлеба. Урс наступал, перекрывая пространство. Он оказался быстрее, чем выглядел, и умело загонял противника в угол.

Но каждый его шаг повторял предыдущий.

Перед атакой великан чуть сильнее переносил вес на переднюю ногу. Левый прямой использовал, чтобы остановить, а правый — чтобы закончить.

Данил позволил ему попасть ещё раз.

Кулак задел губу. Во рту появился вкус крови.

Урс увидел это и ускорился.

Именно этого Данил ждал.

Он отступил к стене. Великан выбросил левую руку, собираясь зажать его для правого удара.

Данил нырнул наружу.

Не назад. Вперёд и в сторону.

Правый кулак Урса ударил в стену. Послышался хруст. Великан зарычал, но Данил уже находился сбоку.

Первый удар пришёлся под рёбра.

Второй — туда же.

Урс развернулся, опуская локоть.

Данил пробил снизу в челюсть.

Голова великана дёрнулась. Он устоял и попытался схватить противника. Данил разорвал захват, ударил ладонью в ухо и снова сместился.

Теперь Урс шёл иначе. Правая кисть плохо сгибалась. Возможно, один из пальцев был сломан.

Зрители перестали смеяться.

Данил атаковал боковую сторону. Не пытался свалить противника одним ударом. Заставлял поворачиваться, промахиваться, терять силы. Бил в живот и печень. Уходил, когда Урс отвечал.

Через несколько минут дыхание великана стало хриплым.

— Стой! — прорычал он.

Данил остановился на расстоянии двух шагов:

— Зачем?

Урс бросился вперёд.

Данил встретил его коротким ударом в солнечное сплетение.

Воздух вырвался из груди великана. Он согнулся. Удар снизу поднял его голову, а левый боковой погасил взгляд.

Урс опустился на одно колено.

Данил мог закончить бой. Вместо этого он отступил.

— Достаточно, — сказал он.

Великан поднял глаза.

— Я не отказался.

— Тогда вставай.

Урс попытался. Ноги не удержали его, и он упал на бок.

Фалькон шагнул между бойцами.

Несколько мгновений двор молчал. Затем на песок посыпались монеты.

Их было немного. Большинство зрителей ставило против чужака и теперь не торопилось благодарить победителя. Однако люди на верхней галерее бросили несколько серебряных денариев.

Данил поднял один.

На монете был процарапан маленький скорпион.

Он показал её Никанору.

Тот побледнел:

— Такой знак встречается в книге.

— Чей он?

— Ставочный дом Квинта Скавра.

Данил посмотрел на галерею. Люди в дорогих плащах уже уходили.

Среди них был тот самый мужчина в коричневой одежде, который следил за ними у Большого цирка.

Теперь Данил знал, что их нашли.

Но Скавр тоже получил ответ.

Варрон приехал в Рим не прятаться.

И его имя уже начали произносить.

Глава 34.

На деньги, полученные за бой, нельзя было купить дом.

Зато ими удалось оплатить первый месяц аренды заброшенной красивой мастерской.

Здание стояло на склоне Авентина между гончарным двором и мастерской канатчика. Передняя часть давно обрушилась, крыша протекала, а каменный резервуар был заполнен чёрной водой. От прежних владельцев остались медные крюки, вбитые в стены, и вьёвшийся запах уксуса.

Хозяин запросил слишком много.

Никанор торговался с ним почти час.

— Здесь невозможно жить, — говорил он.

- Вам нужно не жить, а драться, — отвечал хозяин.
- Крыша рухнет после первого дождя.
- Значит, тренируйтесь быстрее.
- В резервуаре дохлая крыса.
- За крысу отдельной платы не беру.

Они сошлись на шестидесяти сестерциях в месяц при условии, что жильцы сами починят крышу.

Первые дни ушли на расчистку.

Сеговар и Элиас вытащили сгнившие балки. Афер нашёл каменщика, задолжавшего деньги владельцу винной лавки, и предложил отработать долг ремонтом стены. Никанор закупил старые доски. Данил вместе с остальными таскал камни, вытряхивал циновки и вычерпывал воду.

К концу недели бывшая мастерская начала превращаться в тренировочный двор.

Посреди двора установили четыре столба. Под навесом подвесили мешки с песком и шерстью. Из разбитых щитов сделали мишени. Возле входа появилась деревянная табличка.

Никанор написал на ней:

ШКОЛА ВАРРОНА. ОБУЧЕНИЕ СВОБОДНЫХ БОЙЦОВ.

Афер долго смотрел на надпись.

- Слово «свободных» отпугнёт половину клиентов.
- Значит, нам не нужна эта половина, — сказал Данил.
- Школы зарабатывают на рабах.
- Эта не будет.
- Тогда на чём она будет зарабатывать?
- На людях, которые сами решают, выходить им на песок или нет.

Старик покачал головой:

- Ты привёз из своего далёкого края много странных мыслей. Монеты среди них есть?
- Пока нет.

Первым учеником стал сын канатчика.

Его звали Тит. Ему едва исполнилось шестнадцать, но он был широкоплечим и высоким.

Утром Тит работал у отца, а вечером тайком приходил смотреть на тренировки.

На третий день Данил позвал его во двор:

- Хочешь попробовать?

Юноша кивнул.

- Плата — два асса за занятие.

Лицо Тита вытянулось:

- У меня нет.
- Тогда будешь подметать двор.

Афер дождался, пока юноша отойдёт, и прошептал:

- Он и так каждый вечер подметает возле ворот, чтобы видеть нас.
- Теперь будет делать это внутри.

За Титом пришли другие.

Грузчики с речных причалов хотели научиться защищаться от грабителей. Двое ремесленников готовились к кулачным состязаниям во время праздника. Отставной легионер привёл племянника, которого постоянно избивали уличные банды.

Данил принимал не всех.

Он отказывал пьяным. Выгонял тех, кто пытался калечить слабых. Не позволял приносить во двор настоящее оружие без разрешения.

- Это школа боя, — возмущался Сеговар. — Почему ты запрещаешь драки?
- Потому что на тренировке учатся. Дерутся там, где не сумели договориться.

— В лудусе Красса мы дрались каждый день.

— Поэтому половина бойцов выходила на арену уже ранеными.

Афер поддержал новые правила, хотя сделал вид, будто решение принадлежит ему.

Тренировки Данил разделил на части.

Сначала движение без оружия. Затем работа со щитом. Потом удары по мишеням и только в конце — учебные схватки. Он заставлял учеников повторять простейшие действия до изнеможения: шаг, поворот, защита, ответ.

Римляне хотели красивых приёмов.

Данил учил их не падать.

— Я заплатил, чтобы научиться побеждать, — пожаловался однажды молодой торговец.

— Сначала научись стоять.

— Я и так стою.

Данил слегка толкнул его в плечо. Торговец запнулся о собственную ногу и сел на песок.

— Теперь снова учись.

Прибыль была небольшой, но школа начала кормить себя. Никанор вёл записи, собирал плату и договаривался с хозяевами частных дворов. Афер отвечал за оружие. Элиас, говоривший мало, оказался искусным плотником и ремонтировал щиты.

Сеговар рвался на арену.

Рана на его бедре зажила, и галл считал себя готовым.

— Я не ехал в Рим, чтобы учить мальчишек держать палку, — сказал он Данилу. — Мне нужен бой.

— Тебе нужны деньги?

— Мне нужно имя.

— Имя можно получить вместе с могилой.

— Ты сам дрался с Урсом.

— Потому что другого выхода не было.

— У меня тоже нет другого.

Данил понимал его. Свобода оказалась дорогой. Чтобы жить в Риме, требовались деньги, а бывший гладиатор умел зарабатывать телом.

Он договорился с Фальконом.

Сеговар должен был выступить против бойца по прозвищу Пёс. Без мечей, с небольшими деревянными щитами и тупыми дубинами. Убийство не запрещалось, но Фалькон пообещал остановить схватку, если один из противников потеряет возможность защищаться.

— Его обещание ничего не стоит, — сказал Афер.

— Поэтому мы будем рядом, — ответил Данил.

До боя оставалось четыре дня.

На второй день к воротам школы пришли трое мужчин.

Впереди шёл крупный римлянин в красной тунике. Его сопровождали два бывших солдата с дубинками. Он назвался Марком Сервилием, управляющим лудуса «Золотая волчица».

— Вы обучаете бойцов без разрешения коллегии, — объявил Сервий.

— Покажи закон, который это запрещает, — сказал Никанор.

— Мне не нужен закон. Все школы Авентина платят взнос.

— Кому?

— Коллегии.

— Кто управляет коллегией?

— Те, кому следует.

Сервий назвал сумму: пятьсот сестерциев за право продолжать занятия. Затем ещё сто каждый месяц.

— У нас нет таких денег, — сказал Данил.

— Тогда закройте ворота.

— Нет.

Сервилий улыбнулся:

— Ты плохо понимаешь столичные обычаи, провинциал. Здесь каждый двор кому-нибудь принадлежит.

— Этот принадлежит человеку, которому мы платим аренду.

— А человек платит нам.

— Тогда попроси у него.

Сервилий подошёл ближе:

— Я видел твой бой с Урсом. Быстрый. Осторожный. Толпе понравилось. Не заставляй меня портить товар.

Данил заметил на шее одного из сопровождавших маленькое клеймо в виде скорпиона.

Люди Скавра.

— Передай хозяину, — сказал он, — что дверь открыта. Если хочет поговорить, пусть приходит сам.

— Хозяева не ходят к собакам.

— Значит, ему придётся лаять издалека.

Сервилий ударил первым.

Не Данила — Никанора. Ладонью по лицу, словно наказывал раба.

Данил перехватил его руку.

Второй человек потянулся к дубинке. Сеговар возник рядом и приставил деревянный меч к его горлу. Элиас закрыл ворота.

глава 35

Элиас закрыл ворота.

Деревянные створки сошлись с глухим ударом. Железная перекладина легла в скобы, отрезав двор от улицы.

Сервилий посмотрел на ворота, затем на Данила. Улыбка на его лице осталась, но стала другой — натянутой и осторожной.

— Напрасно, — произнёс он. — Теперь это похоже на разбой.

— Ты вошёл в наш двор, потребовал деньги и ударил лекаря, — ответил Данил. — Разбой уже начался. Мы всего лишь закрыли дверь, чтобы он не вышел наружу.

Человек с клеймом скорпиона попытался отвести горло от деревянного меча Сеговара. Галл немедленно усилил нажим.

— Не вертись, — предупредил он. — Я сегодня ещё никого не убивал и начинаю чувствовать себя бесполезным.

— Меч деревянный, — прохрипел человек.

— Зато горло настоящее.

Никанор стоял у стены, приложив ладонь к щеке. Удар оказался сильным: кожа под глазом наливалась багровым, губа была рассечена. Однако лекарь смотрел не на Сервилия, а на Данила.

В этом взгляде читалось предупреждение.

Не убивать.

Не давать Скавру именно то, за чем он прислал своих людей.

Данил разжал пальцы и отступил от Сервилия на полшага.

Тот сразу выпрямился, но отойти ему не позволили. Афер стоял справа, перекрывая путь к воротам. Белловак — слева. Ни у одного не было настоящего оружия, однако сейчас это мало что меняло. Сервилий оказался в окружении людей, которых годами учили убивать всем, что попадалось под руку.

— Отпусти моих людей, — потребовал он.

— Когда уйдёте все вместе.

— Деньги принадлежат Скавру.

— Пусть придёт и заберёт.

Сервилий коротко рассмеялся:

— Ты уверен, что хочешь его увидеть?

— Нет. Я хочу, чтобы он понял: посланники больше не помогают.

— Он поймёт другое. Что гладиаторы Красса напали на свободных граждан.

— Свободный гражданин лежит возле водостока и держится за сломанную руку, — заметил Афер. — Остальные тоже выглядят не слишком свободными.

За его спиной один из людей Сервилия попытался подняться. Урс наступил ему на тунику и снова прижал к земле.

Нападение продолжалось меньше минуты.

Трое вошли во двор через боковые ворота вместе с телегой поставщика. Ещё двое ждали снаружи. Сервилий рассчитывал, что имя Скавра откроет перед ним двери и заставит управляющего выдать требуемую сумму. Когда этого не произошло, он ударил Никанора и приказал своим людям осмотреть помещения.

Дорций исчез сразу после появления незваных гостей.

Стражники Красса тоже не вмешались. Одни получили деньги заранее, другие решили, что спор между влиятельным ростовщиком и владельцем школы их не касается.

Сервилий не учёл только гладиаторов.

Деревянные мечи остались у них после вечерней тренировки. Афер первым преградил дорогу человеку, направившемуся к лечебнице. Тот выхватил нож. Через несколько мгновений нож уже лежал на песке, а его владелец пытался понять, почему рука перестала сгибаться.

После этого началась драка.

Теперь двое нападавших лежали у стены. Третий сидел, зажимая разбитый нос. Четвёртого удерживал Сеговар. Пятый остался снаружи, но Белловак успел закрыть ворота и задвинуть засов.

Сервилий единственный не получил серьёзных повреждений.

Пока.

— Назови сумму, — сказал Данил.

— Ты не умеешь слушать. Деньги нужны не мне.

— Тогда повтори требование Скавра.

— Красс задолжал ему тысячу восемьсот денариев. Сегодня истёк срок.

— Почему Скавр прислал тебя сюда, если Красса нет?

— Потому что долг обеспечен имуществом школы.

Сервилий обвёл двор взглядом.

Он смотрел не на здания.

На людей.

Данил понял первым:

— Каким именно имуществом?

Сервилий улыбнулся рассечёнными губами.

— Вами.

Во дворе стало тихо.

Даже раненые перестали стонать.

Белловак медленно приблизился:

— Повтори.

— В договоре указано всё движимое имущество лудуса. Оружие, повозки, животные, рабы. Если Красс не отдаст деньги, школа перейдёт Скавру.

— Врёшь, — сказал галл.

— Спроси хозяина.

— Его нет.

— Поэтому мы пришли забрать часть залога.

Афер посмотрел на Данила:

— Они хотели увести гладиаторов?

— Только одного, — ответил Сервилий. — Того, чья стоимость покрывает большую часть долга.

Сразу несколько человек повернулись к Варрону.

Сервилий усмехнулся шире.

— Скавр щедр. Он оценил тебя в полторы тысячи. После победы над Астуром Красс мог получить больше, но решил, что ты стоишь две. Поэтому отказался.

— А потом занял у Скавра деньги, — предположил Данил.

— Раньше. Намного раньше.

— Сколько он задолжал на самом деле?

— Я назвал сумму.

— Ты назвал цифру из расписки. Скавр уже получил часть долга ставками, долями от игр и процентами. Сколько осталось от тех денег, которые Красс действительно брал?

Улыбка Сервилия исчезла.

— Рабу не следует рассуждать о долгах господина.

— Значит, немного.

Данил повернулся к Аферу:

— Открой ворота.

Нумидиец нахмурился:

— Ты хочешь их отпустить?

— Хочу, чтобы они ушли сами.

— После того как увидели всё?

— Именно поэтому.

Сервилий посмотрел на лежавших людей:

— Они не смогут идти.

— Смогут, — вмешался Никанор. — У одного вывихнуто плечо, у второго сломано предплечье, у третьего нос. Ноги целы у всех.

— Ты сломал руку свободному человеку и говоришь об этом так спокойно?

— Руку ему сломал Урс. Я только определил повреждение.

Тяжеловес пожал плечами:

— Он держал нож.

Никанор подошёл к человеку возле водостока.

— Если повезёте его к хорошему врачу, рука срастётся. Если к дешёвому — останется кривой. Если заставите идти быстро, обломки сместятся и он, возможно, умрёт от жара через несколько дней. Я бы выбрал первый вариант, но вы пришли без денег.

— Скавр заставит тебя лечить бесплатно.

— Тогда пусть приведёт больного и попробует.

Сервилий посмотрел на лекаря почти с удивлением. Видимо, он привык, что рабы опускают голову после одного удара.

Никанор не опустил.

В его взгляде не было храбрости бойца. Только холодная неприязнь человека, который слишком часто видел последствия чужой жестокости и давно перестал её уважать.

Афер открыл ворота.

Человек, дежуривший снаружи, попятился. В руках он держал короткую дубинку, но воспользоваться ею не решился.

Гладиаторы подняли раненых. Сеговар последним отпустил пленника со скорпионом на руке, предварительно отобрав у него поясной нож.

— Это оставлю себе, — сообщил галл.

— Воровство, — прохрипел тот.

— Плата за урок.

Данил остановил Сервилия у выхода:

— Передай Скавру: в следующий раз пусть приносит договор.

— Ты собираешься его читать?

— Найдётся кому.

— И если договор настоящий?

— Тогда поговорим с Крассом.

— Вы не можете обсуждать решения хозяина.

— Сегодня мы много чего не могли.

Сервилий наклонился к нему:

— До завтрашнего вечера школа будет принадлежать Скавру.

— Возможно.

— И первым делом он продаст тебя в Рим.

— За полторы тысячи?

— Нет. За столько он заберёт тебя у Красса. Продаст дороже.

— Тогда ему выгодно сохранить мне лицо.

Данил двумя пальцами коснулся рассечённой губы Сервилия.

Тот отшатнулся.

— Передай именно так.

Люди Скавра вышли на улицу. Один поддерживал товарища со сломанной рукой. Другой оглядывался через плечо, словно ожидал погони.

Афер закрыл ворота.

Сеговар поднял трофейный нож и проверил пальцем лезвие:

— Плохой металл.

— Положи, где взял, — сказал Данил.

— Он больше не там.

— Отдай Дорцию.

— Лучше выбросить в отхожее место.

Из-за кухни донёсся шум.

Все повернулись.

Дорций появился в проходе с шестью стражниками. Надзиратель держал копье и старался выглядеть так, словно всё это время собирал силы для решительного нападения.

— Оружие на землю! — закричал он. — Немедленно!

Сеговар посмотрел на деревянный меч в своей руке, затем на настоящий нож.

— Какое?

— Всё!

Галл бросил меч. Нож оставил.

Стражники вошли во двор. Увидев кровь на песке и распахнутые ворота, они замедлили шаг.

— Где люди Скавра? — спросил Дорций.

— Ушли, — ответил Афер.

— Кто позволил?

— Они сами себе позволили прийти. Мы позволили уйти.

Дорций перевёл взгляд на Данила:

— Красс приказал не вмешиваться в действия Сервилия.

— Когда?

— Перед отъездом.

— Почему ты не сказал сразу?

— Мне не нужно объяснять приказы рабам.

— Зато полезно объяснять их стражникам.

Один из охранников отвёл глаза.

Значит, люди Красса действительно знали, кто должен явиться. Дорций не сбежал от неожиданного нападения. Он сознательно открыл Сервилию доступ в школу и спрятался, чтобы не видеть, как кредитор забирает залог.

— Варрона в яму, — распорядился надзиратель. — Афера и Белловака привязать к столбам. Остальных запереть в казарме.

Стражники не двинулись.

Дорций повысил голос:

— Вы оглохли?

Старший охранник, широкоплечий каппадокиец по имени Орест, кашлянул:

— Они защищали имущество хозяина.

— Они избili свободных граждан!

— Те напали первыми.

— Ты видел?

— Я видел нож.

Он указал на руку Сеговара.

Галл наконец бросил оружие на песок.

Дорций покраснел:

— Я отвечаю за порядок в школе.

— Тогда почему во время беспорядка тебя не было? — спросил Никанор.

Надзиратель шагнул к нему:

— Молчи, грек.

— Ударь ещё раз. Вторая половина лица чувствует себя обделённой.

Несколько гладиаторов засмеялись.

Дорций схватил лекаря за тунику. Данил оказался рядом раньше, чем стражники успели поднять копьё.

Он не ударил.

Просто положил ладонь на запястье надзирателя.

— Отпусти его.

— Убери руку.

— Ты слышал.

— Забыл, кто здесь главный?

— Красс. Но его нет.

Дорций попытался выдернуть руку.

Данил усилил хватку.

После плети спину пронзила боль, однако он не показал этого. Лицо надзирателя постепенно изменилось. Пальцы, сжимавшие тунику Никанора, разжались.

— Всё оружие в оружейную, — сказал Данил, не отводя взгляда. — Раненых осмотреть. Ворота запереть. До возвращения Красса никого не впускать.

— Ты отдаёшь мне приказы?

— Я объясняю, как сохранить то, за что хозяин заставит тебя отвечать.

Это подействовало.

Красс мог простить трусость. Мог простить воровство, если получал долю. Но потерю ценного имущества он не прощал никому.

Дорций оглядел двор.

Стражники стояли рядом с ним, однако никто не торопился выполнять приказ об аресте. Гладиаторы окружали их плотным полукругом. У большинства оставались только деревянные мечи, но в оружейной за одной тонкой дверью лежали настоящие клинки.

Если сейчас начнётся бой, школа перестанет существовать.

— Все в казарму, — повторил Дорций уже тише. — Без цепей. Никанор осмотрит раненых. Орест выставит караул.

— Разумное решение, — сказал Данил.

Надзиратель вырвал руку.

— С тобой Красс разберётся отдельно.

— Если вернётся.

Дорций хотел ответить, но не смог.

Мысль, которую никто прежде не произносил вслух, повисла над двором.

Красс уехал утром в загородное поместье Пизона. Он собирался получить деньги за участие Астура в будущих играх и договориться о продаже нескольких новичков. Вернуться обещал до заката.

Солнце уже скрылось за стеной.

Ланисты не было.

Зато появились люди Скавра с долговой распиской.

Глава 36.

В казарме закрыли ставни.

Дорций запер наружную дверь, но не заковал гладиаторов. После случившегося стражники не захотели входить внутрь. Они предпочли сделать вид, что деревянный засов способен удержать три десятка обученных бойцов.

Сеговар сидел возле стены и вырезал ногтем знак на рукояти трофейного ножа.

Он успел подобрать оружие прежде, чем покинул двор.

— Я велел отдать, — напомнил Данил.

— Ты велел положить, где взял. Я подумал и решил, что лучше сначала спросить нож. Он захотел остаться со мной.

— Если найдут, накажут всех.

— Пусть попробуют найти.

Галл снял сандалию, вложил нож в полость между подошвой и кожаной стелькой и снова затянул ремни.

Белловак одобрительно кивнул:

— Хорошее место.

— Плохое, — сказал Афер. — При обыске сначала проверяют обувь.

— Тогда куда?

Нумидиец указал на потолочную балку:

— Туда, где уже лежат два других.

Сеговар поднял голову.

— У нас были ножи?

— Теперь три.

Урс задумчиво посмотрел на него:

— А ты говорил, что сеть была единственным тайным оружием.

— Я говорил, что единственным полезным.

Сеговар забрался на нары и спрятал нож в щели между балкой и крышей.
Данил стоял у двери, прислушиваясь к шагам охраны.

— Красс нас продал, — произнёс молодой Филон.

Никто не ответил.

— Вы слышали Сервилия, — продолжил грек. — Мы залог.

— Раб всегда чей-то залог, — отозвался Белловак.

— Красс обещал мне свободу после шести побед.

— А одержал ты сколько?

— Три.

— Тогда у тебя ещё есть время понять.

Филон вскочил:

— Ты можешь шутить, потому что давно ни во что не веришь! А мне он поклялся!

— Чем?

— Домашними богами.

Белловак помолчал.

— Значит, боги тоже были заложены Скавру.

Филон бросился к нему, но Урс перехватил юношу и усадил обратно.

— Не трать силы, — сказал тяжеловес. — Если завтра придут покупатели, понадобятся.

— Вы позволите себя увести?

— А что предлагаешь? — спросил Афер.

— Бежать.

В казарме стало тише.

Это слово уже звучало здесь прежде, но обычно шёпотом и между двумя людьми. Теперь его слышали все.

Филон обвёл товарищей возбуждённым взглядом:

— Охраны мало. Мы можем сломать дверь, забрать оружие и уйти до рассвета.

— Куда? — спросил Данил.

— В горы.

— Какие?

— Там есть леса.

— В какой стороне?

Филон растерялся:

— На севере.

— На севере дорога в Рим. По ней движутся патрули. Восточные ворота закрывают на ночь. Южные ведут к равнине, где негде укрыться. Западные — к побережью, но до него несколько дней пешком.

— Значит, ты хочешь остаться?

— Хочу, чтобы побег не закончился через час.

— Если Скавр заберёт школу, возможности больше не будет.

— Может быть.

— «Может быть»? — Филон вырвался из рук Урса. — Ты заставляешь нас ждать, потому что тебе нравится командовать!

Данил повернулся к нему:

— Я никого не заставляю.

— Все делают, что ты говоришь.

— Сегодня я велел не вмешиваться.

— А потом сам напал на людей Скавра!

— Они достали нож.

— Надо было позволить им забрать тебя!

Слова вырвались слишком быстро.

Филон сразу понял, что произнёс, и побледнел.

Белловак поднялся.

— Повтори.

— Оставь, — сказал Данил.

— Он предлагает продать тебя.

— Нет. Он боится.

— Мы все боимся.

— Поэтому не должны бить друг друга.

Филон опустил голову:

— Если бы они забрали одного, остальные остались бы здесь.

— Сегодня одного, — ответил Афер. — Завтра трёх. Потом всех.

— Но у нас было бы время.

— На что?

Юноша не нашёл ответа.

Данил отошёл от двери и сел на нижние нары. Повязка на спине промокла. После драки раны снова открылись, но звать Никанора было нельзя: Дорций приказал лекарю оставаться в лечебнице.

— Филон прав в одном, — сказал Данил. — Возможность уйти есть сейчас. Завтра её может не быть.

Люди смотрели на него.

— Значит, бежим? — спросил Сеговар.

— Решайте сами.

— Мы потому и спрашиваем тебя.

— Если я выберу за всех, чем буду отличаться от Красса?

— Тем, что не продашь нас ростовщику, — сказал Белловак.

— Не уверен. Если мы выйдем за ворота без плана, я продам ваши жизни первому пат-рулю.

Он взял щепку и начал чертить на полу.

— У нас двадцать девять человек, способных идти. Астур ранен. Ещё трое после тренировок передвигаются с трудом. Есть Никанор и пять рабов, которые могут захотеть уйти с нами. Всего около сорока.

— Повара тоже? — удивился Урс.

— Без них через два дня будем драться за сырое зерно.

— Я умею жарить мясо, — сообщил Белловак.

— Сначала мясо нужно найти.

На полу появилась примерная схема школы.

— Настоящее оружие в этой комнате. Дверь заперта, ключ у Дорция и, возможно, у Оре-ста. Возле главных ворот четыре стражника. Двое у боковых. На стенах ночью никого нет.

— Значит, легко, — сказал Филон.

— До улицы — да. А потом весь город узнает, что сбежала школа гладиаторов. Закроют ворота. Стража начнёт прочёсывать кварталы. В нашей группе есть галлы, нумидийцы, германцы, греки и фракийцы. Мы заметны даже по отдельности. Вместе не пройдем и одной улицы.

— Можно разделить, — предложил Афер.

— Тогда половину поймают к утру. Пойманные назовут направление остальных.

— Не назовут, — сказал Сеговар.

Данил посмотрел на него:

— После огня, крюка и плети назовёшь даже место, где мать зачала тебя.

Галл хотел возразить, но промолчал.

— Нужно выйти из города законно, — продолжил Данил. — Через ворота. Лучше днём, когда много телег и караванов.

— В цепях? — спросил Урс.

— Или в составе школы, которую перевозят к новому хозяину.

Афер понял первым:

— Люди Скавра.

— Они вернутся с договором и охраной. Возможно, с городским чиновником. Если Скавр действительно получил права на лудус, нас выведут через ворота без вопросов.

— И мы нападём за городом, — сказал Белловак.

— Если решим бежать.

— Ты всё ещё сомневаешься?

— Я сомневаюсь, что Скавр хочет получить школу.

Афер присел возле схемы:

— Зачем тогда прислал Сервилия?

— Чтобы забрать меня. Он назвал конкретную цену. Если Красс задолжал тысячу восемьсот денариев, один Варрон не покрывает всю сумму. Но Сервилий не собирался выбирать других бойцов.

— Может, начал с самого дорогого.

— Тогда привёл бы достаточно людей. Пятеро не уведут гладиатора, если вся школа против.

— Они рассчитывали на Дорция.

— И знали, что Красса нет.

Никанор говорил: Скавр опаснее, чем кажется. Ростовщик не применял силу там, где достаточно было чужого страха. Сегодня он отправил людей не захватывать имущество, а проверять его.

Проверять Красса.

Охрану.

Гладиаторов.

Особенно Варрона.

— Сервилий хотел, чтобы мы сопротивлялись, — сказал Данил.

Филон недоверчиво усмехнулся:

— Они принесли настоящий нож.

— Чтобы сопротивление выглядело настоящим.

— Человеку сломали руку.

— Скавр потерял раба или наёмника стоимостью в несколько десятков денариев. Взамен узнал, что стража Красса не защищает школу, Дорций прячется, а гладиаторы действуют вместе.

— Что он сделает с этим знанием? — спросил Урс.

— Скоро узнаем.

Снаружи раздался стук в ворота.

Разговор оборвался.

Стражник что-то крикнул. Ему ответили.

Послышался скрежет засова.

Через несколько минут дверь казармы открылась.

На пороге стоял Орест.

— Варрон, выходи.

Гладиаторы поднялись.

— Один, — добавил стражник. — Пришёл Красс.

ГЛАВА 37

Ланиста ждал в комнате для сделок.

Он выглядел так, словно проехал верхом весь путь от Рима без остановки. Край туники покрывала дорожная пыль, волосы прилипли ко лбу, на левой щеке виднелась свежая царапина.

Перед ним лежали три восковые таблички.

Возле стены стоял Дорций. Надзиратель уже успел рассказать свою версию событий и теперь поглядывал на Варрона с плохо скрываемым торжеством.

Орест закрыл дверь.

Красс не предложил Данилу сесть.

— Ты напал на представителя моего кредитора.

— Его люди напали на Никанора.

— Лекарь не относится к тебе.

— Относится к школе.

— Школа принадлежит мне.

— Пока.

Красс дёрнулся, словно получил удар.

Дорций явно уже передал ему эти слова.

— Кто рассказал о долге?

— Сервилий.

— Что именно?

— Что ты заложил Скавру всё движимое имущество. Он собирался начать с меня.

Красс посмотрел на надзирателя:

— Оставь нас.

— Господин, он опасен.

— Тем более выйди.

Дорций нехотя подчинился. Орест остался, но отошёл ближе к двери.

Красс взял одну из табличек.

— Это долговое обязательство. Здесь стоит моя печать. Скавр дал мне тысячу двести денариев на расширение школы.

— А теперь требует тысячу восемьсот.

— Проценты.

— Сколько уже выплатил?

— Не твоё дело.

— Значит, больше тысячи двухсот.

Ланиста положил табличку:

— Ты действительно считаешь себя умнее каждого человека вокруг?

— Нет. Только тех, кто совершает одинаковые ошибки.

— Я вложил деньги в тебя.

— Купил за двести двадцать.

— Кормил, лечил, обучал.

— Обучал Афер.

— За мой счёт.

— А сегодня Скавр оценил меня в полторы тысячи. Хорошая прибыль.

— Ты стоишь столько, сколько за тебя готовы заплатить.

— Тогда зачем отказался?

Красс прошёл к окну. Во дворе зажигали светильники. После появления хозяина школу охраняли уже двенадцать человек. Видимо, часть сопровождала его в поездке.

— Скавр не собирается использовать тебя на арене, — сказал он.

— А где?

— В Риме.

— Ты говорил, он продаст меня.

— Не продаст. Подарит.

Данил нахмурился:

— Кому?

— Человеку, способному уничтожить мою школу одним письмом.

— Зачем ростовщику делать такие подарки?

— Чтобы получить государственные контракты, долги влиятельных клиентов и защиту.

Красс говорил неохотно. Каждое слово означало признание, что он больше не контролирует положение.

— Почему именно я?

— Твоя победа привлекла внимание.

— Чьё?

— Ты слишком много спрашиваешь.

— Тогда продай другого.

— Скавр требует тебя.

— И поэтому ты заставил меня проиграть Астуру? Хотел снизить цену?

Ланиста резко повернулся.

Данил понял, что догадался правильно.

Договорной бой имел не одну цель. Красс хотел вернуть проигранные деньги, укрепить отношения с Пизоном и одновременно доказать Скавру, что Варрон не так ценен, как кажется. Победа Астура превратила бы его в освобождённого любимца толпы, а Данил остался бы посредственным гладиатором, которого незачем дарить высокопоставленному римлянину.

Но Варрон победил.

И отказался убивать.

Сделав себя ещё заметнее.

— Ты должен был упасть, — тихо произнёс Красс.

— Я пытался.

— Лжёшь.

— Астур тоже не собирался убивать меня. До того момента, когда понял, что его снова обманули.

— Тебе следовало позволить ему победить.

— И тогда Скавр оставил бы тебя в покое?

Красс сжал край стола.

— Сегодня он потребовал немедленного возврата долга. К завтрашнему полудню я должен передать тысячу восьмьсот денариев или тебя.

— Деньги есть?

— Были бы, если бы ты выполнил приказ.

— Значит, нет.

— Есть другой способ.

Ланиста подвинул вторую табличку.

— Утром состоится закрытый поединок. Во дворе Луция Туллия. Ты выйдешь против Сирта.

— Бой назначен через несколько дней.

— Его перенесли.

Данил посмотрел на табличку. Прочитать мелкий текст он не мог, но узнал несколько имён.

— Скавр будет присутствовать?

— Да.

— И поставит на Сирта.

Красс не ответил.

— Сколько ты поставишь на меня?

— Всё, что удалось собрать.

— Если выиграю, отдашь долг.

— И школа останется моей.

— Если проиграю?

— Перейдёшь к Скавру. Остальные останутся здесь.

Данил поднял табличку:

— Почему он согласился ждать до боя?

— Потому что уверен в результате.

— Ты тоже был уверен перед Астуром.

— Сирт не Астур.

— Знаю.

— Нет, не знаешь. — Красс подошёл ближе. — Он видел твой сегодняшний бой. Видел каждое движение. После арены ему передали описание твоих тренировок. Он знает о сети, которую вы украли с крыши. Знает, как Афер учил тебя бросать её. Знает даже о попытках сражаться без щита.

Значит, в школе был ещё один соглядатай.

Не Астур. Тот находился под постоянным наблюдением.

Кто-то из рабов или стражников передавал Скавру сведения.

— А я знаю о Сирте только рассказы, — сказал Данил.

— Поэтому согласишься выполнить мой приказ.

— Какой на этот раз?

Красс взял третью табличку.

— Ты победишь.

Данил коротко рассмеялся.

— Щедро.

— Без милости. Без просьбы толпы. Без игр с распорядителем. Сирт должен умереть.

— Почему?

— Скавр поставит на его победу.

— Если я заставлю его сдаться, ставка всё равно будет проиграна.

— Закрытый бой проводят по другим правилам. Поражение признают только после смерти одного из участников.

Комната словно стала меньше.

За окном прошёл стражник с факелом. Свет скользнул по лицу Красса, на мгновение подчеркнув глубокие тени под глазами.

— Ты знал это, когда договаривался? — спросил Данил.

— Да.

— Сирт знает?

— Разумеется.

— Тогда почему согласился?

— Его никто не спрашивал.

— У него есть хозяин.

— Владелец получил пятьсот денариев. Если Сирт победит, получит ещё столько же.

Человек, возможно, лучший ретиарий Капуи, стоил владельцу меньше хорошей ставки.

— А если я откажусь выходить?

— Передам тебя Скавру утром. Сегодняшнее сопротивление даст ему основание заковать всю школу. Возможно, он заберёт Афера и Белловака как возмещение за раненых людей.

— Ты мог принять предложение в две тысячи после боя с Астуром.

— Мог.

— Почему не принял?

Красс провёл пальцами по табличке.

— Потому что ты принадлежишь мне.

В его голосе впервые не было ни расчёта, ни угрозы.

Только уязвлённая гордость.

Данил понял: дело никогда не сводилось к деньгам. Ланиста мог продать Варрона и погасить долг. Мог избавиться от опасного раба с огромной прибылью. Но после неповиновения на арене продажа выглядела бы отступлением.

Красс хотел доказать, что по-прежнему распоряжается жизнью Варрона.

Даже если доказательство разорит его.

— В бою используют обычное оружие? — спросил Данил.

— Да.

— Мой щит и гладиус?

— Ты выйдешь как секутор. Сирт — ретиарий.

— Двор какой величины?

— Меньше арены. Примерно двадцать шагов в длину, пятнадцать в ширину.

Плохо.

На просторной площадке ретиарий мог долго удерживать дистанцию, но и преследователь имел место для манёвра. В тесном дворе сеть перекрывала значительную часть пространства, а стены ограничивали уклонение.

— Покрытие?

— Песок.

— Глубина?

— Не знаю.

— Кто подготовит оружие?

— Люди Туллия.

— Значит, Скавр.

— Я проверю лично.

— Он позволит?

Красс промолчал.

— Мне нужен Астур, — сказал Данил.

— Нет.

— Тогда передавай меня Скавру.

— Ты ставишь условия?

— Ты ставишь на мою победу всё, что осталось. Я объясняю, как не потерять.

Ланиста несколько мгновений смотрел ему в глаза.

— Зачем Астур?

— Он видел Сирта четыре раза.

— Афер видел три.

— Астур сражался против него.

Красс нахмурился:

— Он не говорил.

— Потому что ты не спрашивал.

Это была ложь.

Данил не знал, встречался ли Астур с Сиртом. Но чемпион наверняка лучше других понимал, как опытный гладиатор готовится к смертельному бою. Кроме того, разговор с ним можно было использовать, чтобы проверить, кто передаёт сведения из школы.

— До рассвета Астур будет находиться в казарме, — решил Красс. — Потом его вернут в лечебницу.

— Никанор тоже нужен.

— Зачем?

— Осмотреть меня перед боем.

— Он осмотрит утром.

— Сейчас. И останется в казарме.

— Ещё что-нибудь?

— Хорошая еда. Вода. Никакого вина.

— Хочешь отдельную постель?

— Нет. Хочу, чтобы Дорций не входил внутрь.

Ланиста усмехнулся:

— Боишься?

— Боюсь, что он случайно ударит меня перед боем, а ты потеряешь школу.

Красс посмотрел на Ореста:

— Отведи его. Выполни всё, что он потребовал.

— Даже насчёт Дорция?

— Особенно насчёт Дорция.

Стражник открыл дверь.

— Варрон, — окликнул Красс.

Данил обернулся.

— Если Сирт останется жив, я передам Скавру всех троих. Тебя, Афера и Белловака.

— Значит, тебе придётся надеяться, что я умею выполнять приказы.

— Умеешь?

Данил посмотрел на табличку с условиями смертельного боя.

— Утром узнаем.

Глава 38

Еду принесли через четверть часа.

Большой горшок ячменной каши, две корзины хлеба, сыр, сушёный инжир, варёные яйца и мясо. После урезанных порций этот ужин выглядел пиром.

Гладиаторы ели молча.

Никто не радовался. Все понимали причину внезапной щедрости.

Астура перенесли в казарму на носилках. Никанор устроил его возле дальней стены и заново перевязал рёбра. После этого лекарь снял повязку со спины Данила.

— Раны открылись, — недовольно сообщил он.

— Насколько плохо?

— Утром будешь двигаться. К вечеру начнётся жар, если не повезёт.

— Значит, нужно закончить утром.

— Обязательно поделись этим открытием с Сиртом.

Никанор промыл повреждённую кожу кипячёной водой. На этот раз он сам потребовал поставить котёл на огонь и бросил туда полосы ткани.

— Ты решил попробовать? — спросил Данил.

— Решил доказать, что это глупость.

— И как?

— Ткань стала чище.

— Невероятно.

— Молчи. С больными, которые оказываются правы, невозможно работать.

Астур дождался, пока лекарь закончит.

— Красс сказал, что я сражался с Сиртом?

— Я сказал Крассу.

— Мы никогда не встречались.

— Теперь встретились.

Афер улыбнулся:

— И кто победил?

— Я. Дважды.

Астур посмотрел на Данила и понял.

— Ты хочешь, чтобы шпион передал ложь.

— Я хочу увидеть, что именно он передаст.

— До боя осталось меньше ночи.

— Хватит.

Данил поднялся и обвёл казарму взглядом.

— Слушайте внимательно. Красс считает, что среди нас есть человек Скавра. Кто-то рассказал о тренировках с сетью.

Люди заговорили одновременно.

— Тихо, — сказал Афер.

Шум стих.

— Это мог быть стражник, — продолжил Данил. — Повар. Раб из прачечной. Любой, кто проходил через двор. Не обязательно один из вас.

Филон скрестил руки:

— Но ты думаешь на нас.

— Думаю на всех. Включая себя.

— Как это?

— Иногда человек передаёт нужные сведения, не понимая, кому они попадут. Хвастается, жалуется, рассказывает женщине с кухни. Поэтому до утра никто не обсуждает настоящий план за пределами этой комнаты.

— А внутри? — спросил Урс.

— Внутри обсудим три.

Белловак рассмеялся:

— Три настоящих плана?

— Один настоящий. Два для Скавра.

Он указал на галла:

— Ты расскажешь Дорцию, что я собираюсь сразу броситься на Сирта и прижать его к стене. Скажешь, будто Астур заметил: ретиарий плохо работает трезубцем на короткой дистанции.

— Это правда?

— Почти.

— А если Дорций никому не передаёт?

— Ничего не потеряем.

Данил повернулся к Филону:

— Ты поговоришь с рабом, который приносит воду. Скажешь, что я потребовал тяжёлый щит и собираюсь позволить сети запутаться в нём, а потом отпустить рукоять.

— Но это же хороший способ.

— Именно поэтому поверят.

— А третий план?

— О нём Астур расскажет Никанору. Якобы во время прошлого боя Сирт получил травму левого колена. Я буду постоянно уходить вправо, заставляя его разворачиваться на больной ноге.

Никанор нахмурился:

— Почему я?

— Ты выходишь из казармы. Тебя вызовут к кому-нибудь из стражников или на кухню.

Скажешь это достаточно тихо, чтобы услышал тот, кто оказался рядом.

— А если шпион здесь?

— Тогда он услышит всё сразу и выберет самую правдоподобную версию.

Сеговар поднял руку:

— А настоящий план?

Данил взял кусок хлеба и положил его в середине стола.

— Это Сирт.

Рядом поставил чашу.

— Это стена двора.

Ещё одной чашей обозначил противоположный край.

— Сеть даёт ему преимущество, пока остаётся раскрытой. После броска она превращается в верёвку с грузами. Большинство секуторов ждут атаки, закрываются щитом и позволяют сети лечь сверху. Потом пытаются вырваться.

— И что делают неправильно? — спросил Афер.

— Сопротивляются движению.

Он взял ткань, которой накрывали корзину, и бросил её на руку Белловака.

— Потяни к себе.

Галл потянул. Ткань обернулась вокруг запястья.

— Теперь в сторону.

Петля затянулась ещё сильнее.

— Сирт рассчитывает именно на это. Человек чувствует сеть и отступает. Грузы оборачиваются вокруг щита, ног и оружия. Чем сильнее он дёргается, тем хуже.

— Значит, нужно шагнуть вперёд, — сказал Астур.

— Да.

— Прямо к трезубцу.

— Поэтому никто не делает.

Данил освободил руку Белловака.

— В момент броска Сирт держит трезубец одной рукой. Вторая управляет сетью. Между броском и восстановлением стойки проходит меньше секунды.

— Этого мало, — заметил Афер.

— Для шага мало. Для падения — достаточно.

— Ты собираешься упасть?

— Не назад.

Данил поставил деревянную кружку на бок и резко прокатил её под протянутой тканью.

— Вперёд и влево. Под руку с сетью. Щит закрывает голову от трезубца. Если бросок широкий, край сети пройдёт над шлемом. Если низкий — приму её на щит, но не стану удерживать.

— Отпустишь щит, — сказал Филон.

— Нет. Это один из ложных планов.

— Тогда сеть потянет руку.

— Если рука останется в петле.
Афер посмотрел на него:
— Ты хочешь снять крепление.
— Ослабить. Так, чтобы оно выдерживало обычные движения, но раскрылось от сильного рывка.
— Это заметят при проверке.
— Если ослабить сейчас — заметят. Поэтому сделаю во дворе перед боем.
— Чем?
Сеговар снова посмотрел на потолочную балку.
— Ножом, — догадался он.
— Нож нельзя пронести.
— Тогда зубами.
Данил покачал головой:
— Край застёжки можно сточить о камень. Нужна небольшая трещина. Сеть тянет щит, ремень лопаётся, Сирт на мгновение теряет равновесие.
— А ты оказываешься рядом, — закончил Афер.
— Если всё получится.
— Не получится, — сказал Астур.
Все посмотрели на него.
Испанец приподнялся на локте, морщась от боли.
— Сирт не бросает сеть первым движением. Он показывает её, делает ложный замах, заставляет секутора поднять щит и бьёт трезубцем по ногам. Потом отходит. Так может продолжаться сотню счётов.
— Ты видел?
— Дважды. В одном бою противник устал раньше, чем Сирт бросил сеть.
— Значит, нужно заставить бросить.
— Как?
— Показать, что я попался.
Данил переставил чаши.
— Если он знает о наших тренировках, то ждёт подготовленного движения. Мы дали ему три варианта. Каждый предполагает, что я буду защищаться от сети. Ни один — что сам подставляю щит.
Афер медленно улыбнулся:
— Ты используешь второй ложный план.
— Только не так, как ему расскажут.
— Слишком много расчётов, — сказал Урс. — На арене всё станет иначе.
— Обязательно.
— Тогда зачем план?
— Чтобы знать, от чего придётся отказаться первым.
Некоторое время никто не говорил.
Затем Астур спросил:
— Когда убьёшь его?
Вопрос прозвучал просто.
Не «если».
Не «сможешь ли».
Когда.
Данил посмотрел на хлеб, изображавший человека.
— Красс требует смерти.
— Скавр тоже, — сказал Астур. — Только твоей.

— Закрытый бой закончится, когда один перестанет дышать.

— Значит, ответ прост.

— Нет.

— Ты снова хочешь проявить милость?

— Хочу выйти живым.

— Иногда это одно и то же.

— Иногда нет.

Астур осторожно сел.

— Сирт не Астур. Я хотел свободы и слишком поздно понял, что её не будет. Он давно ничего не ждёт. Ему платят за убийства, дают женщин, вино и лучшую комнату. Он не попросит пощады.

— Рабу не платят.

— Сирту платят. Хозяин позволяет оставлять часть награды.

— Значит, у него есть что терять.

— Только жизнь.

— Обычно достаточно.

Астур покачал головой:

— На песке ты всё ещё пытаешься разговаривать с противником. Ищешь причину, по которой он остановится. Однажды напротив окажется человек, у которого такой причины нет.

— Тогда я его убью.

— Сможешь?

Данил вспомнил Астура на коленях.

Толпу, требовавшую смерти.

Палец распорядителя.

Остриё гладиуса возле прорези шлема.

В тот момент он мог нанести удар. Технически это было проще любого движения, выполненного в бою. Но между способностью убить и решением сделать это оставалась граница.

Завтра её придётся переступить.

— Узнаем, — сказал он.

ГЛАВА 39

Ночью Данил не спал.

Он лежал на животе, подложив под голову свёрнутую тунику. Вокруг раздавалось дыхание гладиаторов. Иногда кто-то ворочался на нарах. Возле двери мерцал свет факела, проникший через узкую щель.

Тело требовало отдыха, но разум продолжал строить варианты.

Сирт был быстрее.

Имел преимущество в дистанции.

Знал манеру Варрона после боя с Астуrom.

Понимал, что Данил левша.

Маленький двор помогал ретиарию контролировать пространство, а глубокий песок замедлял резкие перемещения. Скutum и закрытый шлем секутора ограничивали обзор. Трезубец позволял атаковать ноги и голову, не приближаясь к гладиусу.

Обычный путь к победе заключался в постоянном давлении. Секутор преследовал ретиария, заставлял двигаться, лишал времени для точного броска сети. Если удавалось прижать противника к стене, преимущество переходило к мечнику.

Сирт готовился именно к этому.

Он знал, что Варрон станет сокращать дистанцию.
Значит, нельзя было делать ожидаемое.
Данил закрыл глаза и представил площадку.
Двадцать шагов на пятнадцать.
Зрители вокруг.
Оружие проверяют люди Скавра.
Красс ставит всё на победу своего раба.
Скавр уверен в Сирте.
Возможно, исход обеспечен не только мастерством ретиария.
Повреждённый щит. Затупленный гладиус. Ослабленный ремень шлема. Масло на руко-
яти. Яд был маловероятен: Скавру нужна убедительная победа, а не внезапная смерть до боя.
Самой опасной оставалась площадка.
Под песком можно спрятать яму, острый предмет или участок скользкой глины. Сирт
будет знать расположение ловушки. Варрон — нет.
Данил открыл глаза.
В другом конце казармы кто-то поднялся.
Тёмная фигура бесшумно спустилась с нар и направилась к двери. Человек остановился
возле щели, прислушался, затем трижды тихо постучал.
Снаружи ответили одним ударом.
Засов начал двигаться.
Данил не шевельнулся.
Дверь приоткрылась. Фигура выскользнула в коридор.
Через мгновение Данил поднялся.
Афер уже сидел на нарах.
Их взгляды встретились.
Нумидиец указал на пустое место возле стены.
Филон.
Данил жестом велел не будить остальных и подошёл к двери. Она осталась прикрытой.
За ней слышался шёпот.
— ...левое колено, — говорил Филон. — Астур уверен.
Другой голос принадлежал Дорцию:
— Что ещё?
— Варрон велел никому не рассказывать.
— Поэтому ты пришёл?
— Я хочу получить обещанное.
— Если сведения помогут, Скавр заплатит.
— Ты говорил о свободе.
— Деньги помогут её купить.
— Сколько?
— Вернись внутрь.
— Сначала назови сумму.
— Двадцать денариев.
— За это не купить даже больного раба!
Послышался звук удара.
Филон сдавленно вскрикнул.
— Будешь торговаться со свободными после того, как сам станешь свободным. А пока
делай, что велено.
— Он подозревает, что среди нас есть шпион.
— И?

— Дал три разных плана. Белловак расскажет тебе один. Никанор — кому-то ещё. Я не знаю, какой настоящий.

Дорций выругался.

— Какие планы?

Филон перечислил все три.

За дверью повисло молчание.

— Молодец, — сказал надзиратель. — Возвращайся.

Данил отступил и лёг прежде, чем дверь открылась.

Филон вошёл, осторожно задвинул засов изнутри и направился к своему месту.

— Получил свободу? — спросил Афер.

Юноша остановился.

Несколько гладиаторов проснулись. В темноте открывались глаза.

Филон попятился:

— Вы не спали?

— Теперь уже нет, — ответил Белловак.

Он спустил ноги с нар.

Филон посмотрел на дверь, но путь перекрывал Данил.

— Я не хотел никому вредить.

— Конечно, — сказал Сеговар. — Ты просто рассказал врагу, как убить нашего человека.

— Дорций обещал помочь!

— Он всегда помогает, — произнёс Афер. — Особенно себе.

— Если Скавр получит школу, он отпустит меня!

Белловак схватил юношу за горло и прижал к стене.

— Почему тебя?

— Потому что я умею читать! Ему нужны писцы!

— Сколько ты передал раньше?

— Ничего!

Белловак ударил его затылком о камень.

— Ещё раз.

— Только о сети! — выкрикнул Филон. — Я рассказал, что Варрон тренируется с сетью.

Больше ничего!

— Скавр знал о щите, — сказал Данил. — О тренировке без щита. О том, как Афер бросал сеть.

— Дорций видел!

— Дорций не присутствовал вечером.

Филон замолчал.

Белловак усилил нажим.

— Говори.

— Я смотрел через окно. Потом рассказал человеку на рынке.

— Какому?

— Его зовут Марцелл. Он торгует маслом возле северных ворот.

— Сколько заплатил?

— Пять ассов.

Белловак отдернул руку, словно прикоснулся к нечистотам.

— Ты продал нас за пять ассов?

— Я не знал, что это опасно! Он спрашивал о Варроне. Все спрашивают!

— А сегодня?

— Сегодня Дорций сказал, что Скавр может освободить меня.

— И ты поверил человеку, который лжёт даже во сне, — произнёс Афер.

Филон посмотрел на Данила:

— Ты знал, что я выйду?

— Нет.

— Тогда почему придумал три плана?

— Чтобы узнать, кому ты расскажешь.

— Значит, колено Сирта не повреждено?

— Не знаю.

Юноша медленно опустился на пол.

— Что вы со мной сделаете?

Сеговар посмотрел на потолочную балку.

— Нож всё ещё там.

— Нет, — сказал Данил.

— Он выдаст нас снова.

— Теперь не выдаст.

— Почему?

Данил подошёл к Филону:

— Потому что утром он передаст Дорцию ещё кое-что.

Юноша поднял голову.

— Если откажусь?

— Тогда останешься здесь с людьми, которых продал за пять ассов.

Филон облизнул разбитую губу:

— Что передать?

— Настоящий план.

Афер прищурился:

— Какой?

— Скажешь, что мы раскрыли тебя. Что я избил тебя и под страхом смерти заставил сообщить ложные сведения. Скажешь, будто на самом деле собираюсь с первых мгновений уходить от Сирта, тянуть время и ждать, когда он устанет.

— Но он не поверит.

— Поверит следам побоев.

Белловак сразу шагнул вперёд.

Данил остановил его:

— Не лицо. И не ломать кости.

Филон вскочил:

— Ты обещал ничего не делать!

— Я ничего не обещал.

— Они убьют меня!

— Если сведения окажутся правдой — наградят.

— Но они ложные!

— Теперь ты понимаешь, что почувствуем мы, когда Скавр использует твои рассказы.

Филон вжался в стену.

— Я могу отказаться.

— Можешь.

Данил отвернулся и направился к нарам.

— Тогда до утра останешься возле двери. Один. Когда придёт Дорций, сам объяснишь, почему вернулся без новых сведений.

За спиной послышалось тяжёлое дыхание.

Затем Филон спросил:

— Если сделаю, что ты хочешь, вы меня не тронете?

— Сегодня — нет.
— А потом?
— Зависит от тебя.
Юноша молчал.
— Хорошо, — наконец произнёс он. — Я передам.
— Этого мало, — сказал Афер. — Он должен поверить, что тебя заставили.
Филон закрыл глаза.
— Только не по лицу.
Белловак взял его за плечо:
— Успокойся. Я умею бить друзей.
— Мы не друзья.
— Тогда будет ещё легче.

ГЛАВА 40

Перед рассветом за Варроном пришли.

Филон лежал на нарах, отвернувшись к стене. Под туникой на его рёбрах наливались синяки. Белловак действительно не сломал костей. Он наносил короткие удары по мышцам и каждый раз ждал, пока юноша восстановит дыхание.

Дорций даже не посмотрел на него.

Значит, разговор уже состоялся.

Надзиратель приказал вынести доспехи во двор.

Данил надел поножи, наруч, пояс и гладкий шлем секутора. Скutum был новым. Его поверхность покрывала свежая красная кожа, по краю шёл бронзовый обод.

Никанор осмотрел каждую застёжку.

— Щит слишком тяжёлый, — сказал он.

— Обычный вес, — возразил Дорций.

— Обычный для легионера. Не для секутора.

Данил поднял скutum.

Внутри что-то сместилось.

Совсем немного, но он почувствовал изменение равновесия. Вес уходил к нижнему краю.

— Сними кожу, — сказал Данил.

— Она прибита, — ответил надзиратель.

— Поэтому и сними.

— Некогда.

Красс появился на крыльце:

— Что случилось?

— В щите что-то есть.

— Он новый.

— Тем более.

Ланиста приказал принести клещи. Раб вытащил несколько гвоздей и отогнул край кожи. Под ней обнаружились две тонкие свинцовые пластины.

Дорций побледнел.

— Я не знал.

— Конечно, — сказал Данил.

Красс вырвал щит у раба и осмотрел тайник.

Дополнительный вес был небольшим. В начале боя его можно не заметить. Но после нескольких минут рука устанет быстрее, а нижний край начнёт тянуть скutum к земле.

— Кто принёс? — спросил ланиста.
— Оружейник Туллия, — ответил Орест. — Ночью.
— Ты проверял?
— Снаружи.
Красс бросил щит на песок:
— Дать другой.
— Нет, — сказал Данил.
— Что?

Он взял skutum и перевернул. Свинец крепился кожаными ремешками между досками и обивкой.

— Оставь.
— Зачем?
— Сирт думает, что щит тяжёлый.
Красс понял не сразу.
— Он будет рассчитывать, что ты устанешь.
— Пусть.

Данил вытащил одну пластину. Вторую сдвинул ближе к центру и закрепил под рукоятью. Щит сохранил часть лишнего веса, но баланс стал почти нормальным.

— Кожу прибить обратно.
Ланиста смотрел на него иначе, чем прежде.
Не как на раба.
Как на последнюю монету, которую он собирался поставить на стол.
— Если победишь, — произнёс Красс, — я спишу твой долг за плеть.
— Как великодушно.
— И официально запишу победу над Астуром.
— Она уже записана.
— Где?
Из казармы донеслись голоса.
— Две! — крикнул Афер.
Остальные подхватили:
— Две!
Красс повернулся к закрытым дверям.
— Что это значит?
Данил опустил забрало.
— Они умеют считать.
Ворота открылись.

На улице ждала крытая повозка и шестеро всадников. Небо над Капудей только начинало светлеть. Город ещё спал, не зная, что через несколько часов в частном дворе состоится бой, от которого будет зависеть судьба целой школы.

Данил забрался в повозку.
Красс сел напротив.
Дорций устроился у входа и закрыл полотно.
Колёса тронулись.
Несколько минут слышался только стук по каменной мостовой.
— Что передал тебе Филон? — спросил Данил.
Дорций вздрогнул.
Красс медленно повернул голову к надзирателю.
— Какой Филон?
— Никто, господин.

— Он сказал, что Варрон собирается тянуть время, — продолжил Данил. — Отступить и ждать усталости Сирта.

На лице Дорция выступил пот.

— Это ложь!

— Что именно? Что Филон говорил с тобой или что ты передал сведения Скавру?

Красс наклонился вперёд:

— Отвечай.

— Я хотел помочь! — выпалил надзиратель. — Скавр всё равно узнал бы. Я давал ему то, что не имело значения.

— За сколько?

— Господин...

Красс ударил его.

Не ладонью.

Кулаком.

Голова Дорция врезалась в стенку повозки.

Ланиста схватил надзирателя за волосы:

— За сколько ты продал мой бой?

— Я не продавал! Сервилий обещал простить мой долг!

— Ты задолжал Скавру?

— Немного.

— Сколько?

— Сто сорок денариев.

Красс ударил снова.

Дорций закрыл лицо руками.

— Остановись, — сказал Данил.

— Не вмешивайся.

— Если выбросишь его сейчас, Скавр поймёт, что ложные сведения раскрыты.

Рука ланисты замерла.

— Пусть думает, что всё идёт по его плану, — продолжил Данил. — Дорций выйдет из повозки вместе с нами. Будет вести себя как обычно. После боя накажешь.

Надзиратель посмотрел на Варрона с ненавистью.

Он понимал, что Данил не спас ему жизнь.

Только отсрочил расплату.

Красс отпустил его:

— Сделаешь всё, что он сказал.

Дорций вытер кровь с губы.

— Да, господин.

— А если предупредишь Скавра...

— Не предупредит, — произнёс Данил. — Теперь он поставил не на того человека.

Повозка свернула.

Шум улицы изменился. Каменная мостовая закончилась, колёса загрохотали по утрамбованной земле. Внутри проник запах влажной травы.

Они выезжали из города.

Данил положил ладонь на рукоять щита.

Под кожей скрывался свинец. На спине горели свежие раны. Впереди ждал человек, который девять лет убивал противников сетью и трезубцем.

А за ним — Скавр.

Бой должен был решить, кому будет принадлежать школа.

Но Данил думал уже не об этом.

Красс считал гладиаторов своим имуществом. Скавр — залогом. Зрители — развлечением. Каждый из них видел бойцов по отдельности: Варрона, Афера, Белловака, Астура. Людей с ценой, долгом и количеством побед.

Никто пока не понял, что прошлым вечером они впервые действовали как одно целое.

Даже предательство Филона не изменило этого. Наоборот, теперь Данил знал слабое место и мог использовать его.

Повозка остановилась.

Снаружи слышались мужские голоса.

Полог откинули.

За воротами богатого загородного дома стоял Сервий. Его губа распухла, на щеке темнел кровоподтёк. Рядом выстроились вооружённые люди со знаками скорпиона на поясах.

Сервий посмотрел на Данила и улыбнулся:

— Рад, что ты приехал добровольно.

— Я тоже рад тебя видеть.

— Сирт ждёт.

— А Скавр?

— Уже сделал ставку.

Данил спрыгнул с повозки.

— Тогда не будем заставлять его долго ждать проигрыша.

Глава 41.

Сервилий приказал обыскать Данила.

Двое охранников приблизились одновременно. Первый остановился впереди, второй зашёл за спину. Работали они привычно и осторожно, как люди, знавшие, что даже безоружный гладиатор остаётся оружием.

Данил поднял руки.

— Ищите мою добровольность?

Сервилий прикоснулся к распухшей губе.

— Ищу нож, которым ты снова попытаешься меня удивить.

— Если бы у меня был нож, ты бы его уже нашёл.

Охранник ударил Данила ладонью между лопаток.

— Ноги шире.

Данил подчинился.

У него отняли пояс, проверили складки туники, провели руками по голеням. Рудис Сервилий забрал ещё перед дорогой, объявив, что деревянный меч свободного гладиатора не является настоящим оружием и потому может быть временно передан на хранение.

Теперь рудис висел у него на поясе рядом с кинжалом.

Данил смотрел не на меч.

Он считал людей.

Шестеро возле ворот. Четверо во дворе. Двое на галерее второго этажа. Ещё один прятался за занавесью у входа в дом: выдавали неподвижная тень и носок сандалии.

Тринадцать.

Наверняка были и другие.

Загородное имение Скавра напоминало не виллу, а небольшой укреплённый склад. Высокая стена окружала прямоугольный двор. Единственные ворота запирались двумя створками, обитыми железными полосами. За домом виднелась крыша конюшни, слева располагались помещения для рабов, справа — тренировочная площадка, огороженная деревянным барьером.

На песке стоял человек.

Он был выше Данила на полголовы, но казался худым. Длинные руки, узкие плечи, плоский живот. Тёмные волосы собраны на затылке кожаным шнуром. На нём не было доспехов — только набедренная повязка и ремни на предплечьях.

Возле его ног лежали два коротких изогнутых клинка.

Сирт не разминался.

Не ходил по кругу.

Не проверял оружие.

Он смотрел на Данила так, будто ждал не поединка, а ответа.

— Где Скавр? — спросил Данил.

— Наблюдает.

Сервилий указал на балкон над внутренним двором.

Гай Корнелий Скавр сидел в кресле под навесом. Рядом стоял стол с кувшинами, фруктами и восковыми табличками. За столом расположились трое мужчин в дорогих туниках. Четвёртый гость находился в тени, и Данил не мог рассмотреть его лица.

Скавр поднял серебряную чашу.

— Варрон! Рад, что Сервилий сумел убедить тебя принять приглашение.

— Он обещал вернуть моих людей.

— Не людей. Двух гладиаторов, принадлежащих школе Красса.

— Они мои товарищи.
— Слова меняются быстрее, чем право собственности.
Данил подошёл к ограде.
— Где Афер и Белловак?
— В безопасном месте.
— Покажи.
— После боя.
— Тогда боя не будет.

Сервилий коротко рассмеялся:

— Ты уже здесь.
— Это не означает, что буду драться.
— Ты всегда дерёшься.
— Когда мне нужна победа.

Скавр поставил чашу на стол.

— Сегодня она тебе нужна. Если победишь Сирта, Афер и Белловак вернутся в школу целыми и невредимыми.

— А если проиграю?
— Тогда тебе станет безразлично, что с ними случится.
— Значит, бой насмерть?
— Пока один из вас не перестанет представлять ценность.

Сирт не изменился в лице.

Данил повернулся к нему:

— Ты согласился?
— Меня не спрашивали.

Говорил Сирт на латыни чисто, лишь немного растягивая гласные. Голос у него оказался спокойным и глубоким.

— Тебе обещали свободу за мою смерть?
— Мне обещали воду.
— Врёт.
— Знаю.

Скавр хлопнул в ладони.

На площадку вышли два раба. Один нёс щит и гладиус, второй — шлем и поножи. Доспехи положили перед Данилом.

Он присел возле оружия.

Щит был тяжёлым, обитым толстой кожей. На внутренней стороне сохранились тёмные пятна старой крови. Гладиус оказался новым, недавно заточенным. Шлем не подходил по размеру: слишком тесный у висков и со смещённой вправо решёткой.

Поножи различались длиной.

Снаряжение выбирали не для него.

Его выбирали против него.

— Щедрый набор, — сказал Данил.

— Красс утверждает, что ты умеешь пользоваться любым оружием, — ответил Скавр.

— Красс часто говорит то, за что платят.

— В этом мы похожи.

Данил поднял щит. Несколько раз повернул кисть, проверяя рукоять. Затем осмотрел крепление.

Ремень был надрезан.

Не полностью. Всего на две трети толщины. Он выдержал бы начало боя и порвался при первом сильном ударе.

Данил показал надрез Сервилию.

— Это тоже часть пари?

Тот пожал плечами:

— Старый щит.

— Старые щиты рвутся по краям. Здесь работал нож.

— Возьми другой, если боишься.

— Не боюсь. Просто хочу знать правила.

Скавр усмехнулся:

— Правило одно: развлеки нас.

— Тогда дайте барабан, и я станцую.

Один из гостей засмеялся. Скавр посмотрел на него, и смех сразу прекратился.

Сирт поднял клинки. Правый держал обратным хватом, левый обычным. Его оружие было легче, а движения — быстрее. Против тяжёлого щита и короткого меча он получил преимущество в скорости.

Скавр не собирался смотреть равный бой.

Впрочем, равных боёв Данил давно не встречал.

Он отбросил шлем.

— Не наденешь? — спросил Сервилий.

— В нём плохо видно.

— Без него тебя убьют.

— В нём — быстрее.

Данил закрепил длинную поножу на левой ноге, вторую оставил на песке. Гладиус взял в правую руку. Щит поднял и тут же опустил.

— Готов? — спросил Сервилий.

— Нет.

— Хорошо. Начинайте.

Сирт двинулся прежде, чем последнее слово прозвучало до конца.

Он не побежал прямо. Скользнул влево, заставляя Данила разворачиваться, и сразу выбросил правую руку. Изогнутое лезвие ударило в край щита, а второй клинок метнулся к открытому бедру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.